



**Татяна Феденева**

**Орел или решка**

**ЛитРес:  
Самиздат**

16+

# Татьяна Феденева

## Орел или решка

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=62785171](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62785171)*

*SelfPub; 2020*

*ISBN 978-5-532-03518-8*

### **Аннотация**

Орел или решка одно из произведений Татьяны Феденовой. Немногим из людей неинтересна жизнь их дедов и прадедов. Наши корни питают нас. По биографии моих предков можно изучать историю России. А жизнь закручивает такие лихие сюжеты, что иногда становится страшно и еще удивительно, что люди во все времена чувствуют одинаково. Любовь и страсть, правда и ложь, жизнь и смерть, все переплелось в этом мире. Видимо, земля – это то место, где рай и ад сплелись в тугой узел?

# Содержание

Глава 1. Подберезово.	4
Глава 2. Первая мировая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	50

# Глава 1. Подберезово.

*Не дай вам Бог жить в эпоху перемен*

*Китайская мудрость*

Миша уверенно шел по заснеженному лесу. Широкие, са- модельные охотничьи лыжи не давали проваливаться в су- гробы. Маленькая, бойкая собачонка бежала вслед за ним по лыжне и пока молчала. Но вот она подняла уши, насторо- жилась, а затем с лаем бросилась к одной из елок. вглядыва- ясь в ветви. Да, вот и она! Любопытные глазки уставились на собачку. Миша прицелился и выстрелил. Вдали отозвалось громкое эхо. Белка упала в снег. Михаил поднял ее и вни- мательно осмотрел. Шкурка не испорчена. Рыжий мех отли- вает темно-коричневым цветом, пушистый хвостик безволь- но повис, а на окровавленную мордочку больно смотреть. В Мишиных глазах промелькнула жалость, губы непроизволь- но сжались. Знал бы кто, как жаль ему убивать белок. Но что же делать, в Кунгуре на рынке за них дают хорошую цену. Он сунул белку в холщевый мешок и пошел дальше. Солнце на- чало склоняться к горизонту. Хвойный лес, укутанный снеж- ным покрывалом, дремлет сквозь полузакрытые веки. Снег искрится холодным блеском, поскрипывая под ногами. Ми- ша окинул взглядом очередную поляну. Как здесь красиво! Мороз-воевода постарался на славу. Вековые ели надели на-

рядные дорогие шубы, маленькие елочки заневестились под белоснежной фатой, каждая веточка, каждый кустик украшены снежной мишурой. Ничто не нарушает торжественной тишины. Синие глаза Миши остановились на собачке: она начала поджимать лапки.

– Озябла, Крошка?

Миша наклонился и погладил собаку, прижавшуюся к его ноге, затем достал из котомки кусок хлеба. Часть отломил собачке, другую принялся жевать сам.

– *Нать – то*<sup>1</sup> пора домой, стемнеет скоро.

Крошка, вильнула хвостом, благодарно взглянув на хозяина. Михаил быстрым ходом направился в сторону деревни.

Деревня Подберезово появилась совершенно внезапно, еловый лес окружил ее плотным кольцом, дома прятались за деревьями, сугробами, амбарами. Миша вышел на санную дорогу, снял лыжи и очистил их от снега. Одна варежка *прохудилась*, снег тут же пробрался в дырку и коварно ущипнул за палец. Около своего дома Миша заметил младшего братишку Ефимку, одетого, как и он сам, в овчинный полушубок, валенки – *само катки* и в шапку ушанку из собачьего меха. Ефимка тоже увидел брата и неуклюже побежал ему на встречу:

– Миша, как поохотился?

– Есть две белки.

– Покажи!

---

<sup>1</sup> *Нать – то* – видимо

Ефимка ухватился за холщовый мешок.

– В избе покажу.

Мише не хотелось, чтоб он видел окровавленные мордочки белок.

– А ты мне заячьи гостинцы принес?

– На – ко вот!

Михаил достал из кармана остаток хлеба и отдал брату

– А это правда, от зайчика?

– Ага, *даве*<sup>2</sup> выслал, ешь.

Ефимка радостно подпрыгнул и побежал в избу, Михаил поставил лыжи в ограде и тоже вошел в дом.

Ефим уже хвастался заячьими гостинцами перед Сашей:

– А мне зайчик гостинцы послал!

– Ну, ешь, раз послал.

Саша снисходительно улыбался, он уже вышел из того возраста, когда верят всяким сказкам. Из-за занавески вышла красивая белокурая девушка с глазами необычного зеленого цвета. Почти ровесница Миши. Миша подал ей свои варежки:

– Тая, порвались, *опочинишь*?

– Давай, – Тая повертела варежки в руках и, улыбнувшись, взглянула на брата, – тут дел-то всего на пять минут.

– А где отец?

– В конюшне *стряпают*<sup>3</sup>, у нас корова Марта отелилась.

---

<sup>2</sup> Даве – недавно

<sup>3</sup> Стряпают – ухаживают за скотом

Я поило<sup>4</sup> делаю.

Миша разделся и забрался на печку:

– Ефимка, Санко, полезайте сюда, расскажу, какую я *вечор* книжку читал!

Братья наперегонки бросились к нему. Скоро в избу, о чем-то переговариваясь, вошли отец с матерью.

– Миша, ты дома?– окликнула Михаила мать.

– Да, маменька.

– Устал, *небось*<sup>5</sup>?

– Есть немного, хоть вроде и не *убродно*<sup>6</sup>.

– *Намедни* вон, какой мороз был, *снег-от* и присел.

– Гликерия, подавай на стол, ужинать будем, – взглянув на жену, поторопил глава семейства Сергей Николаевич.

– У нас появился бычок, – объявил детям,– лето продержим, а там, даст Бог, заколем на мясо.

Гликерия, не старая еще женщина, поправила густые русые волосы под домотканым платком, надела другой *запон*<sup>7</sup> и направилась в закуток за печью, где находилась кухня. Убрала заслонку, сноровисто передвинула ухватом<sup>8</sup> в печи глиняные горшки, чугунки, и скоро по дому разнесся за-

---

<sup>4</sup> Поило – питье для скота

<sup>5</sup> Небось – наверное

<sup>6</sup> Убродно- трудно идти по рыхлому снегу

<sup>7</sup> Запон – фартук

<sup>8</sup> Ухват – кухонная утварь для перемещения чугунов, горшков в печи, бывают разных размеров.

пах *штей*<sup>9</sup> и топленого молока. Все быстро уселись за стол. Отец неспешно вымыл руки, тщательно вытер их об *руко-терник*, зажег керосиновую лампу и сел во главе стола. Затем взял нож, отрезал от каравай несколько ломтей хлеба и аккуратно уложил каравай обратно на стол горбушкой вверх. Все молча, выжидали. Гликерия смотрела на мужа: немолод, угрюм; темные волосы тщательно зачесаны назад; синие глаза с неудовольствием разглядывают содержимое чашки. Он значительно старше ее, разница в возрасте всегда немного угнетала, но такова была родительская воля. Сергей, наконец, взял деревянную ложку и его примеру последовали дети: Михаил, Таисия, Саша и маленький Ефим. Гликерия взяла ложку после всех и первая, затем ее положила, пусть дети наедятся. Она, молча их разглядывала: «Мише *none* исполнится двадцать один год, не дай Бог случится что, возьмут в армию. Рослый да плечистый вырос; давно уж *робит* на равных с отцом, *натъ-то* будет хорошим хозяином, когда женится. Весь в тятеньку моего, любит читать книги зимой в свободное время. Тае семнадцать лет, *девка* на выда-нье. Приданое небогатое, но парни на нее заглядываются. Когда-то я была такой же баской, Тая похожа на меня, вот только еще *не знамо*<sup>10</sup> ей, что красота деревенских баб увядает быстро. Справить бы ей обновку к весне. Сашеньке двенадцать лет, следующей зимой надо снова отдать его в цер-

---

<sup>9</sup> Шти - каша из перловой крупы

<sup>10</sup> Не знамо – не знает

ковно-приходскую школу. Ближайшая школа в Шляпниках, хлопотно возить, однако как без грамоты? Да и школьные годы самые лучшие в жизни! Спасибо тятеньке, что я тоже училась два года. Младшенькому Ефимке всего пять лет. *Маковка*,<sup>11</sup> так бы и *полюбала*...».

– Сергей, – Гликерия взглянула на мужа, – отдадим на будущий год *Сану* в школу?

– Отдадим, – однозначно ответил тот, не поворачивая головы.

Гликерия привыкла к его немногословности, редко вмешивается в семейные дела, все решает муж; ее удел беспрекословно подчиняться. Оправдывала про себя Сергея: характер его скверный во многом из-за того, что он с трудом выбивался в люди. Род Феденевых беден, в наследство ему почти ничего не досталось, лес и тот молодой, непригоден для строительства. Сергей и женился поэтому, почти в тридцать лет. Долго жили с его родителями, а потом муж пошел на поденную работу в деревню за двадцать верст от дома, зато там рассчитывались бревнами. День работы, одно бревно. Почти год Сергей вставал чуть свет, ехал на работу, возвращался оттуда затемно, волоча за своей телегой очередное бревно. Вот так и навозил лесу. Дом построили в 1905 году, когда родился их третий ребенок – сын Саша. Как они радовались, наконец-то свой дом! Ничего, что получился он небольшим, всего на три окошка, зато высоким.

---

<sup>11</sup> Маковка – милый

Голбец <sup>12</sup>сделали глубокий, чтоб припасы хранить, зима – то *долгая*. Построили просторную ограду, конюшни, амбары, огородили большой участок земли под картошку да капусту. И место удобное, недалеко от Кривого озера, по соседству с Игнатием Глебовым. Игнат мужик добрый, где делом поможет, когда зерна даст займы. Мария *Игнатиха*,<sup>13</sup> жена его, тоже *баба* простая. Дом-от у Глебовых, конечно, больше, просторный пятистенок. У них с Сергеем всего-то лошадь да корова, несколько поросят, овец; пашни восемь десятин, а Игнат купил недавно сепаратор, чтоб молоко перерабатывать от своих коров. Какой только техники не придумают! Они даже мануфактуру<sup>14</sup> покупают на ярмарках, вон у Марии какие наряды есть. И у Татьяны *Мишихи*<sup>15</sup> наряды баские<sup>16</sup>. Из домотканого холста так не сшить. Все *оне* крестьяне, а как по-разному живут. Ну, да, слава Богу, есть, что на стол подать. Главное, чтоб хлеб уродился, да все были живы – здоровы. Гликерия снова поправила волосы, не заметив, что ложки уже *боткают*<sup>17</sup> по пустой чашке.

– Гликерия, неси чай, – нетерпеливо окликнул муж.

– Сейчас, – Гликерия быстро принесла самовар, в который

---

<sup>12</sup> Голбец – помещение под полом'

<sup>13</sup> Игнатиха – жена Игната

<sup>14</sup> Мануфактура – фабричные ткани

<sup>15</sup> Мишиха – жена Михаила

<sup>16</sup> Баские – красивые

<sup>17</sup> Боткают – стучат

заранее налила воды и заполнила горячими углями. Тая тоже соскочила, принесла с *полицы*<sup>18</sup> на кухне глиняные кружки с зеленым отливом и бережно поставила на стол. Мать подала к чаю пышную творожную шаньгу.

Игнатий Кузьмич Глебов, степенный мужик лет тридцати восьми, стоял в амбаре, еще раз подсчитывая собранный урожай. Его светлые, как солома, волосы разделились на прямой пробор, подчеркивая прямой нос, и упрямый подбородок. Серые глаза наметанным взглядом охватывали полные сусеки зерна. Мысленно производимые подсчеты показывали, что хлеба хватит до будущего урожая и еще останется на продажу. Губы растянулись в довольной улыбке. Тщательно закрыв амбар, он направился в конюшню. Везде чистота и порядок, скотина *управлена*<sup>19</sup>: коровы размеренно жуют сено, свиньи развалились на соломе, довольно похрюкивая; овцы сбились в кучу, *мерно* покачиваясь, куры уже сидят на насесте. Игнатий направился в дом. Мария, полная симпатичная женщина, чистила горшки в кухне, доченька Фиса спала на печи, ее нянчила бабушка, не забывая между делом вязать носки.

– Мария, а где Гриша?

– Бегает где-то с *робятами*.

Заскрипели входные ворота.

– А, вот и Гришенька пришел! – Мария загремела ухва-

---

<sup>18</sup> Полица – полка

<sup>19</sup> Управлена- сделана необходимая работа по содержанию скота

тами, приближалось время ужина. Гриша вошел в дом, снял заснеженную *лопотину*<sup>20</sup>, столбом поставил ее у порога и шмыгнул на печь. Бабушка подвинулась, ласково помогая внуку устроиться удобнее.

– С катушки, что ли катался? – улыбнулся Игнат сыну.

– Ага, – ответил тот, – отыскивая замерзшими руками самое теплое место на печке.

– Мария, собирай на стол, – скомандовал Игнат.

Мария *сноровисто* достала ухватом из печи чугунок с похлебкой. Игнатий Кузьмич, задумчиво жевал хлеб: «Как удачно все складывается. Кому из братьев пришла в голову мысль, что можно самим возить лес на продажу по деревням, а не ждать, когда за ним приедут? Хорошо покупают в Орде, Медянке и даже в Кунгуре. Сразу появились деньги, уже несколько тысяч! Какую знатную молотилку купили в складчину. Надо еще к весне купить сеялку, а потом и жатку. Коли так дело пойдет, будет на равных с Щербининым Михаилом, тот шибко богат и знается с самими духовниками из Кунгура. Наведываются они к нему в гости, сидит он с ними за столом на равных, и величают они его Михаилом Федосевичем. А, может, удастся накопить *киргизишанский*<sup>21</sup> кирпич, да построить дом, как у братьев Алябушевых в Орде. Обязательно двухэтажный *дом-от* что б был, в нижнем этаже производство *наладить*: красильню устроить, или начать посу-

---

<sup>20</sup> Лопотина – одежда

<sup>21</sup> Киргизишанский – кирпич изготовленный в деревне Киргизишаны

ду *черепанить*<sup>22</sup>, а еще лучше лавку открыть. Нанять работников, товар из Кунгура возить от купца Черноусова, а чтоб в Кунгур не порожняком ехать, скупать здесь семена льна, клевера, масло, яйцо и там продавать». Игнатий зачерпнул большой деревянной ложкой кусок мяса. Его примеру последовали остальные. Слава Богу, еды в доме в достатке. Мария, молчаливо сидевшая напротив Игната, втайне любовалась им. Хороший муж ей достался – баской, работающий, с ним как у Христа за пазухой. Гриша тихонько ущипнул под столом Фису, та тут же толкнула его рукой.

– Гриша, – мать укоризненно покачала головой, – *Саню Серьгин*<sup>23</sup> не обижает своего брата Ефимку.

Гриша пригнул голову и запихнул в рот полную ложку похлебки: обидишь Фису, как же...

Михаил Федосеевич задумчиво отложил в сторону бумагу и карандаш, вышел из-за стола и погладил окладистую бороду: да, немалый доход принесла бакалейная лавка и постоянный дом в Орде, но не стоит торопиться и записываться в купеческую гильдию, чтоб потом не *спокаяться*.<sup>24</sup> Что ни говори, а налоги на крестьянина гораздо меньше. Вон, Орлов Дмитрий, бога-а-а-тый торговец, живую рыбу из Екатеринбурга возит, а тоже крестьянином числится. Или *черепаницик* Титов, какая у него мастерская на нижнем этаже дома, и про-

---

<sup>22</sup> Черепанить – делать глиняную посуду

<sup>23</sup> Серьгин – сын Сергея

<sup>24</sup> Спокаяться – пожалеть

даже глиняной посуды налажена, а все же предпочитает оставаться крестьянином.

В комнату заглянула жена Татьяна:

– Айда ужинать Михаил, заждались тебя. *Чуешь*<sup>25</sup>?

– *Ровно*<sup>26</sup> я недолго *тут*о. Иду...

«Да... Крестьянином числиться – это лучше...» – продолжал размышлять про себя Михаил, направляясь в кухню.

За столом уже собралась вся семья: старший сын Павел с женой и сыном, средний сын Алексей и младшая доченька Надя. Для Павла с семьей и сделали прируб к дому. Теперь Алексея надо бы женить.

– Чё это Егорка *урочит* и вертится? Не *захворал* ли? – Федосеевич встревожено взглянул на внука.

– Да нет, – ответила Татьяна, – *ись*<sup>27</sup> хочет. Сноха сунула ребенку в руки краюшку хлеба, и тот потянул ее в рот.

Михаил сел за стол, взял ложку, зачерпнул суп и снова углубился в свои мысли.

Сноха снова *на* сносях. Ничего, внук или внучка – ведь это продолжение его самого. Внимательно посмотрел на дочь: высокий рост в сочетании с черными волосами и задумчивыми карими глазами прибавлял ей как минимум пару лет, а ведь ей всего-то семнадцатый годок. В меня пошла. Последнее время она какая-то молчаливая, вроде бы и дела-

---

<sup>25</sup> Чуешь – слышишь

<sup>26</sup> Ровно – кажется

<sup>27</sup> Ись – есть

ет что-то, но о чем-то непрерывно думает. Уж не влюбилась ли? Хотя, что здесь странного, я в ее годы уже ухаживал за *девками* и считался видным женихом. Вот – вот и к нам в дом нагрянут сваты. Но за первого попавшего не отдам. Пусть сама выбирает, кто ей по душе. Приданое за ней будет хорошее, можно и обождать с замужеством.

– Тятенька, – взглянула на него дочь, – ты не забыл, что сегодня у нас все собираются?

– Нет, Надежа, не забыл. Распорядился, чтоб горницу для гостей протопили. Ты ешь, ешь мила дочь.

К тому времени, когда закончился ужин, на улице уже совсем стемнело. Миша и Тая переглянулись. Увидев, что отец принялся чинить валенки, а мать заводить квашню на завтра, тихонько начали переговариваться.

– У кого сегодня собираемся?

– Забыл *разе*<sup>28</sup>, что у Щербининых?

– *На-а вот*<sup>29</sup>... – Миша, таким образом, пытался скрыть свою радость, что скоро увидит Надю, – я и запомнил.

Но Тая лукаво посмотрела на брата и улыбнулась. Сама она надеялась сегодня увидеть Петра. Деревенская молодежь долгими зимними вечерами собиралась по очереди в тех домах, где имелись женихи или были невесты на выданье.

– *Тятя*, мы пойдем?

– Идите с Богом.

---

<sup>28</sup> Разе – разве

<sup>29</sup> На-а вот – протяжное восклицание – надо же, вот как

– *Облокись*<sup>30</sup> теплее, доченька, холодно на улице, – забеспокоилась Гликерия.

– Ладно, маменька.

Тая прихватила вязание, и они с Мишей вышли из дома.

Мороз к вечеру усилился. *Куржак*<sup>31</sup> залепил окна, висел над дверями в избу. На Таинных ресницах мгновенно появилась изморозь, что сделало ее похожей на снегурочку. Растущая луна бросала неяркий свет на заснеженные дома, амбары, деревья. Небо как решето, сквозь него заглядывают на землю звезды, большие и маленькие, сколько их осенью просыпалось, и еще больше того осталось. У дома Щербининых, довольно внушительного размера, они увидели несколько парней и девушек.

– Привет, Петро!

Михаил пожал руку пареньку, с красивым, совсем не деревенским лицом:

– Здорово! Как поохотился?

– Две штуки взял. А ты?

– Я одну, ну, ничего, завтра я тебя догоню.

Девчонки весело хихикали и щебетали. Наконец, хозяйева открыли двери парадного крыльца и впустили гостей. В горнице, как и надеялась Тая, Петр пригладил коротко остриженные русые волосы, одернул рубаху и подошел к ней:

– Тая, я только тебя и ждал!

---

<sup>30</sup> Облокись – оденься

<sup>31</sup> Куржак – изморозь, иней

– Да ладно тебе!

Тая искоса взглянула на него, не зная, что, в этот миг была особенно красивой. В задорных глазах Петра мелькнуло восхищение. Миша из-за плеча Таи бросил взгляд в сторону Надежды, та быстро отвернулась. Все расселись на широких лавках, покрытых новыми половиками. Тая с Надей уселись рядом. Девушки вязали, парни ходили по комнате, подсаживаясь то к одной из них, то к другой, покатился оживленный разговор. Алешка, Надин брат, принес еще один керосиновый фонарь и поставил на стол. Петр опять подошел к Тае:

– Чё вяжешь?

– *Варежки.*

– А мне свяжешь?

– Не дожدهшься, – улыбнулась Тая.

– *На-а вот!* – притворно обиделся Петр, – а тебя можно проводить сегодня?

– Возможно, – уклончиво ответила Тая.

Тут подошел Миша:

– Тая, подвинься.

Тая подвинулась, освобождая место брату между ней и Надей. Миша быстро сел, не дожидаясь, когда Петр опередит его. Он тихонько сидел рядом с Надей и наблюдал, как мелькают спицы в ее руках. Не укрылось от его внимания и то, что Надя не отодвинулась от него.

Подруги, если рядом никого не было, тихонько перешептывались и улыбались.

Осинский уезд Пермской губернии южной своей частью забрался в зону кунгурской лесостепи, где первозданные леса неожиданно расступаются перед обширными полями, просторными лугами, а затем снова смыкают свои дебри. В древних карстовых породах образовались многочисленные гроты, пещеры, воронки. Исчезающие на зиму озера обычное явление в этих краях.

Деревня Подберезово раскинулась в небольшой ложбинке южнее Шляпников, Орды и Кунгура. Вокруг еще множество сел и деревень: Озерки, Янчики, Соломаты, Березовая гора, Бело Озеро, да все и не перечесть. Деревня, в которой есть храм, считается селом. У каждого села свой святой защитник и престольный праздник.

Никольская церковь в Медянке, великолепный кирпичный храм высотой в двадцать три метра, возвышается над всей округой. Покровская церковь в Ясыле торжественна и величава. Храмы воздвигнуты в годы правления Екатерины II.

Петропавловская церковь в Опачевке, Пророко-Ильинская церковь в Орде возведены во время правления Александра I.

В Шляпниках стояла деревянная церковь, но в 1913 году, всего за два года, построили и открыли кирпичную, двухэтажную, высотой двадцать шесть метров, Власьевскую церковь. В том же году в Курилово возвели Иоановскую церковь восемнадцати метров высотой. Колокола отливали в Суксу-

не на Демидовских заводах.

Все крестьяне считаются государственными. За семьями закреплены леса, сенокосы, пашни. В каждом дворе держат по несколько лошадей, коров, Почти каждый крестьянин знает какое-нибудь ремесло.

В Покровском Ясыле занимаются камнерезным промыслом. *Сказывают*, даже в Санкт-Петербурге знают о залежах поделочного камня селенита и местных мастерах.

Жители деревни Рубежево производят гончарную посуду. Глину берут прямо за деревней. Один *черепанищик* может сделать за день несколько *корчаг*, <sup>32</sup>*кринок*<sup>33</sup>, *мисок*<sup>34</sup>. Каждый мастер знает свои секреты, и его посуда отличается по цвету и рисунку. Особенно славится посуда с зеленым отливом.

В Киргишанах из глины обжигают кирпич. Здесь почти в каждом дворе стоят печи для обжига и сараи для готового кирпича. Глину месят лошадьми. Из этого кирпича построены здания принадлежащие общине: Пророко – Ильинская церковь в Орде, женский монастырь, здание волостного правления. Некоторые крестьяне копят кирпич по несколько лет, чтоб построить себе дом.

Есть залежи белой глины, из нее бьют<sup>35</sup> печи. Печь надо

---

<sup>32</sup> Корчага – объемная глиняная посуда для хранения продуктов

<sup>33</sup> Кринка – глиняная посуда для кваса, молока

<sup>34</sup> Миска – чашка для супа, каши

<sup>35</sup> Бьют – лепят

сбить за один день, чтоб потом не трескалась. В печи можно готовить, обжигать глиняную посуду и даже мыться.

Крестьяне катают *пимокаты*<sup>36</sup>, плетут лапти, делают сохи, телеги, мнут кожу, красят овчины.

Незаметно прошла зима. Весенние работы провели в срок, и наступила небольшая передышка. Зеленые всходы на полях радуют глаз, леса шумят листвой, в озерах плещется рыба, начала поспевать земляника.

Вокруг Подберезово, сразу же за огородами, растет густой ельник. С одной стороны ельника болото, небольшое, но топкое, его стараются обходить стороной. От карстовых воронок образовалось множество удивительной красоты озер. Одно из них, Пещера, блестит голубизной прямо в центре деревни. Где-то в глубинах этого озера есть провал, отчего вода уходит осенью и возвращается рано весной. Зимой хорошо видны крутые берега озера и насколько оно глубоко. Только в одном месте пологий спуск. Здесь-то летом в жару на мелководье всегда плещется ребятня. Другое озеро, Черное, расположено в стороне, в лесу, в глубокой и широкой воронке. К озеру ведет крутой спуск, склоны которого заросли вековыми елями и мелким кустарником. Деревья, отражаясь в воде, делают воду черной, а само озеро от этого кажется глубоким и таинственным. Ходят слухи, что у этого озера нет дна. Только отчаянные смельчаки иногда купаются в нем. В этом озере хозяйки полощут бельё. При выезде из деревни

---

<sup>36</sup> Пимокаты – валенки скатанные, сделанные, дома

в сторону Янчиков, на просторной *поскотине* раскинулось мелкое Оношино озеро. В этом озере в знойный летний день любят отдыхать коровы. Сразу же за огородами Феденевых и Глебовых ельник молодой и веселый. На опушке красуются рябинки и черемухи, поляны радуют глаз земляникой, дальше на *угорах*<sup>37</sup> можно найти еще не созревшие ягоды *глубеники*<sup>38</sup> и среди всего этого великолепия синее Кривое озеро. Так его называли за неровные очертания в виде буквы «Г». Из этого озера вся деревня берет воду для питья, поэтому в нем нельзя купаться. Около него не пасут скотину, только мальчишки иногда сидят на плотиках<sup>39</sup> и ловят удочками рыбу.

Надежа вытерла пот с лица, разогнула спину, осматривая грядки. Сколько же этих сорняковросло! Ну и жара! Взглянула в сторону конюшен: дверь на *пятра*<sup>40</sup> открыта, чтоб просыхало сено; на коньке крыши сидят брат Павел и один из работников, отец с Алешкой подают им доски. Крыша требует ремонта, и Михаил с сыновьями занялся этой работой. Наденька зачерпнула из бочки ковш воды с потока; с наслаждением плеснула на лицо, вымыла в ковше руки и зашла в избу. В просторных комнатах немного прохладней. Мать привычно хлопочет у печи, золовка качает в зыбке младшего сыночка Митеньку, Егорка вертится рядом.

---

<sup>37</sup> Угоры – пологие горы, горки

<sup>38</sup> Глубеника – клубника

<sup>39</sup> Плотик – мостик для спуска в озеро

<sup>40</sup> Пятра – помещение под крышей сарая для хранения сена

Увидев Надю, потянул к ней ручонки:

– Кока<sup>41</sup>, на...

– Надежа, принеси-ко *два дружка*<sup>42</sup> воды с Кривого, – окликнула ее мать.

– Ладно, маменька!

Надя ласково погладила Егорку по голове, – я мигом, *маковка*.

В ограде выбрала небольшие деревянные ведра, коромысло и два раза сходила за водой на Кривое озеро, высматривая по пути, вдоль тропки среди деревьев, *синявки*.<sup>43</sup> Не наберется ли на *губницу*<sup>44</sup>?

После полудня во двор вбежала Надина подруга Тая:

– Айда в Дуброву за ягодами!

Дубровой местные жители называют березняк, который находится примерно в полуверсте от деревни. Он соответствует своему ласковому названию: светлый и чистый, березовые перелески сменяются хвойным лесом. В Дуброве, собирают ягоды, *сенокосят* и проводят народные гулянья.

– Сейчас там *мошкары* поди пропасть, – ответила Надя, но подхватила маленькую корзиночку и они вышли из дома.

Ей хотелось поговорить с подругой о ее брате Мише.

– Тая, а Миша *вечор* провожал кого-нибудь? Мне не уда-

---

<sup>41</sup> Кока – крестная мать

<sup>42</sup> Два дружка – два пары ведер

<sup>43</sup> Синявки – сыроежки

<sup>44</sup> Губница – суп из грибов

лось прийти к Кривому Озеру, пришлось водиться с племянником, – Надя тяжело вздохнула, похоже, в их семье без конца будут рождаться дети.

– Надя, я же тебе сказывала, что Миша только о тебе и *думат*. Вчера, когда ты не пришла на поляну, он почти и не играл.

На поляне у Кривого озера почти каждый вечер собираются молодежь, поют песни под гармонь, водят хороводы.

– Тая, а *пошто* о себе не говоришь? Как у тебя с Петром?  
*Припадает<sup>45</sup> он к тебе?*

– Да уж больно он *басок*, *девки* вокруг него так и выются, не поймешь, что у него на уме.

– Он конечно, красавец, но, ему нравишься ты, это же видно.

Незаметно для себя подруги дошли до леса и разошлись по сторонам, не забывая, аукаться время от времени, чтоб не разойтись далеко друг от друга.

---

<sup>45</sup> Припадает – нравиться ему

## Глава 2. Первая мировая

В середине лета 1914 года началась первая мировая война.

Мише Феденеву пришла повестка. Тая тут же побежала к Наде:

– Мишу забирают в армию!

– Как, на войну? – Надя прижала руки к лицу от неожиданности и страха.

– На войну... хоть бы ему Господь помог...

– Его же ранить могут, – ахнула Надежда.

Новость мигом облетела деревню: Мишку *Серьгина* забирают на войну! Гликерия тихонько плакала по ночам, молилась за сына и собирала котомку в дальнюю дорогу. Не забыла положить и узелок с родной землицей, чтоб вернулся домой.

В день проводов у дома Феденевых собрались все жители деревни *от мала до велика*. Семья провожала Мишу. Высокий, черноволосый, синеглазый – он не выглядел несмышленным юнцом. Сергей тайно гордился сыном. Гликерия вытирала слезы, Саша подошел, обнял брата, тихонько шепнул:

– Приезжай быстрее обратно!

Ефимка повис на брате:

– Я буду скучать по тебе!

Тая поцеловала его в щеку.

Подошли соседи, попрощались со словами напутствия. Надя из толпы смотрела на Мишу, стараясь не выдать своих чувств.

– Ну, все, Миша, садись на подводу, – скомандовал отец.

Михаил сел, помахал всем рукой, взглянул на заплаканные глаза Нади, и сердце тоскливо заныло. Гликерия перекрестила уезжающего сына. Лошадь неторопливо зашагала в Орду.

Около волостного правления Миша увидел много знакомых ребят из разных деревень. В толпе провожающих слышались смех, слезы, играла гармошка. Заливистые женские голоса пели частушки, иногда к ним вплетался мужской бас, чтоб добавить свою порцию ядрености. Новобранцев пересчитали, переписали, посадили на подводы и повезли в губернию.

Михаила зачислили во 2-ю армию генерала Самсонова. Русские вели успешное наступление в Восточной Пруссии.

На одном из привалов Миша достал из кармана записную книжку и карандаш. Купил во Львове по случаю. Еще раз с любопытством рассмотрел интересную картинку на корочке записной книжки, любовно погладил ее рукой: теперь есть куда записать свои мысли и переживания.

Миша прочитал предыдущие записи:

«25 сентября в Москве»,

«27 ноября в Киеве»,

«2 января во Львове»,

Сейчас они отступали. Михаил сделал очередную запись:  
«6 отправка из Львова на Пазичи».

«25 26 в бою на Карпатах».

«17 приснилось, что я ранен в ногу».

«27 на отдыхе».

«28 поход обратно».

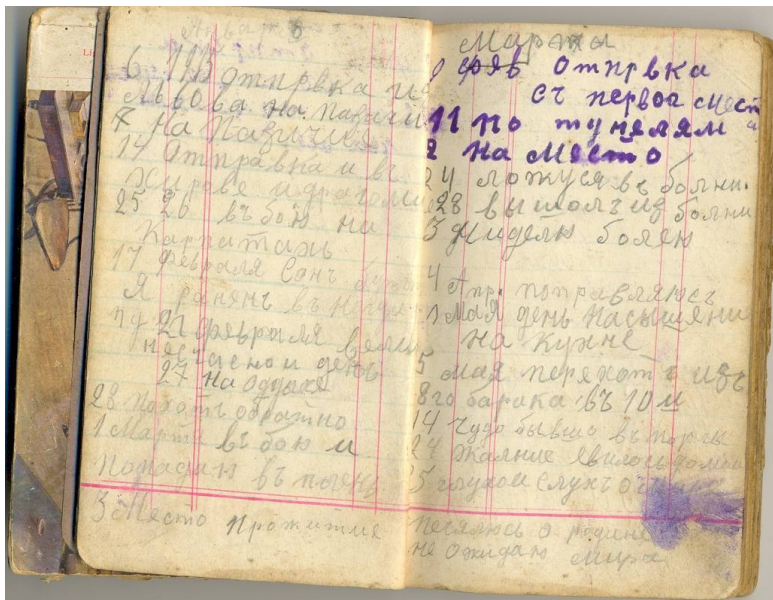
Началось стремительное отступление русских войск. Иногда они принимали бои и отступали снова. Первого марта 1915 года Михаил во время ожесточенного боя попал в плен. Увлеченный стрельбой, он и не заметил, как их окружили вражеские солдаты. Подталкивая штыками ружей, повели в окопы противника. Там он насчитал еще несколько десятков таких же бедолаг, как и он сам. Когда их успели окружить? Видимо, прорвали оборону где-то справа и прорвались в тыл. Его охватил страх: что с ними сделают? Несколько дней они находились под усиленной охраной около передовой.

Их кормили, но не разрешали переговариваться. Вскоре привели на станцию и куда-то повезли. В вагоне Миша тихонько достал свою записную книжку, ее не отобрали при обыске, и записал: «1 марта в бою и попадаю в плен. Девятого марта отправка с передовой».

14 марта их привезли в лагерь для военнопленных. Миша чувствовал себя очень скверно: в плену, он в плену! Увидит ли родных, вернется ли домой? Наверное, от переживаний заболел, началась лихорадка. Соседи по бараку сообщили о

его болезни конвоирам и пленника отправили в лазарет.





Михаил записал о своих злключениях немногословно и горько:

«15-го ложусь в больницу».

«Три недели болен».

«4 апреля поправляюсь».

«1-го мая день насыщения на кухне».

«5 мая перехожу в барак».

«25-го печалюсь о родине, не ожидаю мира».

«31-го мая я слушал стихотворца в плену».

Вскоре Миша вернулся в барак и его отправили на работу. Жалованье платили исправно. Миша любил точность во всем и вечером после работы, сидя за столиком в бараке, скрупулезно записывал: «18-го июня получил первое жалованье один рубль сорок копеек».

«Переход из десятого барака в девятый и улучшение пищи»,

«15 в Австрии жнут рожь».

«Товарищи на вольной работе».

«19 день преподобного Серафима я в плену в Австрии».

«День славного пророка Илии в замке работал».

«Август. Непокойно на сердце».

«5 августа день рождения или именины Франца Иосифа. Нам выдал по куску голландского сыра с какао и ромом».

«8-го нам выдали пачку табаку, мыло, карандаш, конверты, бумагу десять листов, тряпку, шесть иголок, шесть булавок».

Приятной неожиданностью оказалось то, что согласно Женевской конференции он может написать домой! Михаил, волнуясь, написал на открытке адрес: Русланд, Пермскую губернию, Осинский уезд, Шляпниковскую волость, д. Подберезово. Сергею Николаевичу Феденеву. Затем, короткое сообщение: «Пишет вам сын Михаил. Здравствуйтесь мои родители. Кланяюсь вам по низкому поклону мои родные. Очень скучаю и хочу домой. Жизнь моя в плену наладилась. Я здоров».

5 Августъ  
 неспокоичество  
 сердца и 2 пилы  
 5 день в Троицкест  
 рождене шны  
 Митыны фран  
 роигра Найл  
 выдани по Куден  
 голанского Соору  
 Кабо ст рошод  
 6 Я заробидь  
 10 ко. за вое а  
 Шенокь  
 7 Купидь на 5 к. д  
 8 Мвалъ вь Заракл  
 и ч а ветр и то  
 бьдъ Нечь  
 Коротом минаш

5 Августъ  
 8 Намъ выдани  
 Парку табаку  
 Моло. Карамаш  
 Коновертъ 7 10  
 7 8 чмагы  
 10 Лмето вь  
 Мрэн Ку  
 в Молокѣ  
 б будвокъ дѣ  
 за поромъ  
 дной нецль  
 за 9 вь Ничедь  
 9 Купидь на 5 к. д  
 10 правуавидь шмет  
 10 Калба на 25 ко  
 11 за Коратѣ Ку шенъ

1822 сентября писано из  
Оло ваши сын Михаила Заряте  
ите мой родителю Ивану  
Ваши по издану у поклану  
оказавъ всего л... а божи в  
Зуровъ писмо в...  
16 сентября о... что в  
... у вас урочища кто коша  
... из деревн козо в...  
... не писано  
...  
...



K. Kriegsgelangenemacht,  
Feldbach, Steiermark

Geitzelsdorf

Post St. Anna / Nigen  
im Kainberg

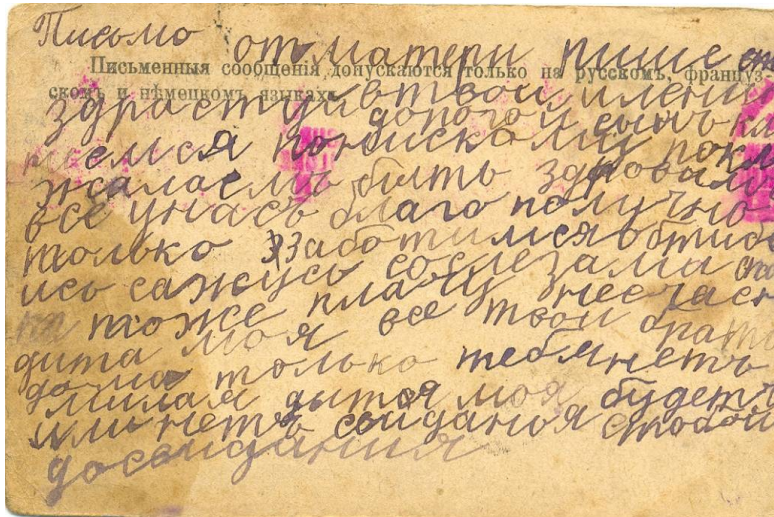
но  
БННЫХЪ  
емерге  
ТОЧКА  
Кереневу  
ХУНО

Письменные сношения  
военнопленных допускать  
нельзя. Картежи, подаваемые

Куда: Австрия Ступия

Lieu de destination: Сельведер Демер  
Военнопленных Сер. Коцеллер





Наконец, чрез довольно длительное время, дождался ответа:

«Письмо от матери. Здравствуй пленник, дорогой сын, кланяемся по низкому поклону, желаем быть здоровым. Все у нас благополучно, только заботимся о тебе, и сажусь со слезами охать. Несчастное дитя мое. Все твои братья дома, только тебя нет. Милое дитя мое, будет или нет свидание с тобой. До свидания».

Радости Миши не было предела: весточка из дома! Михаил записал: «26-го июня, день Тихвинской Божьей Матери, я провел в благом состоянии в австрийском плену».

Теперь он начал присматриваться к этой стране, где ока-

зался волею судьбы. Из глухой провинциальной России и вдруг – в центре Европы. Удивлялся домам необычной архитектуры, узеньким чистеньким улочкам, местным обычаям, языку. Все схватывал на лету, учился жить в новых условиях, записывал в книжечку обо всех событиях и переживаниях:

«30 ноября 1915 года день ангела моего, день великого горя. Исполнилось 23 года. День несчастный, печальный, я в плену в Австрии».

«4 декабря отправка на лесопильный завод».

«19 *какот* праздник у них. Работы нет».

«20 выдали жалованье 1р 20 к.».

«Купил хлеб, яблоки, орехи».

«Выдали мыло, по две пачки, табаку и шаровары дорогие».

«12 декабря праздник рождество».

«Купил хлеба на 20 копеек».

«У них *какот* праздник».

«На 22 декабря дождь с громом».

«Выдали 2 пачки табаку, пачку мыла».

«Декабрь. Тепло так, что муха может летать».

«Выдали сапоги».

«Выдали пачку табаку».

«29-го заработал 5 копеек за погрузку картофеля».

«Выдали жалованье по 1р. 80 к.».

«Отдал за стрижку волос 5 кр».

«Заработал 40 к за разгрузку угля».

«5 февраля получил ботинки, табак».

«Отправка из Лангинваля на Фельбы».

«Ложусь в больницу».

«Пропали деньги в Фельбах 55 к».

«16-го снова пропали деньги».

«Купил яблоки-5 к, конверт-1к, хлеб-25 к, книжка- 45к».

«Сдал сапоги в починку -10 к».

«Испытание скорби и получка 60 к».

«Расходы мои в плену: ягоды-3к, сахар -2к, рубаха -15 к, мыло 10 к, Еванглие-2к».

«1 марта в лазарете Лангинвана».

«23 операция на глаза».

«25 марта погода как у нас 1 мая».

«2 июня получил письма, пришедшие 6 мая».

«1 июля вышел из госпиталя».

«9 июля купил карандаш-3к, пряники-5 к».

«Ложусь обратно в больницу».

«Прибытие в глазной госпиталь».

«19 получил жалованье 30 к».

«В лазарете купил хлеба на 15 к».

«5 августа великое торжество – день рождения Франца Иосифа. Выдали по куску сыра и ром».

Вскоре началось переселение из бараков к местным жителям. Они стали вольнонаемными рабочими. Миша с удовольствием поведал дневнику о переменах в жизни: «31 июля перешел жить в замок, теперь я на вольнонаемной ра-

боте».

«В замке получил три раза жалованье по одному рублю двадцать копеек, итого три рубля шестьдесят копеек».

Так Михаил попал к Анне, молодой хозяйке богатого поместья. Её муж тоже воевал, а около года назад погиб. Анна сразу выделила Михаила среди всех работников и велела дать ему работу в доме и саду. Михаил подметал дорожки, косил траву, ремонтировал скамеечки. Анна часто наблюдала за ним из окна. Вскоре она распорядилась кормить его в доме на кухне, хотя все остальные работники питались в столовой в задней части двора. Михаил немного удивился этому, но не упорствовал, на кухне кормили гораздо вкуснее. Прошло два месяца. Однажды Анна зашла на кухню, когда он обедал. Она прошла мимо, как будто по делам, а сама внимательно разглядывала его. Миша смутился, давно он не чувствовал на себе заинтересованного женского взгляда. После этого Анна всегда находила предлог, чтоб подойти к Михаилу и поговорить с ним. Она сама начала давать ему работу на день, а потом как бы ходила и проверяла, что он сделал. На взгляд Михаила Анна была довольно симпатичной: русые волосы, васильковые глаза и чем-то очень походила на русских деревенских женщин, наверное, бесхитростным выражением лица. Вот только одевалась чудно, Михаилу было непривычно разглядывать ее дорогие замысловатые наряды; впрочем, он в этом ничего не смыслил. Михаил научился немного говорить по-немецки. С Анной они объяснялись

просто и немногословно. Однажды вечером она подошла к нему и спросила:

– Как тебя зовут?

– Миша

– Миша, – она произнесла это имя с акцентом, оно прозвучало очень мило.

.



Миша даже не ожидал, что это окажется так приятно, уже давно никто не называл его так.

– Миша, приходи сейчас ко мне в кабинет.

– Хорошо, – сказал он, уже предчувствуя что-то особенное.

Миша вошел в кабинет, здесь все указывало на то, что хозяйкой его была женщина: кружевные салфетки, букеты цветов, тонкий аромат духов, пропитавший воздух.

– Садись, – Анна указала на диван. Михаил присел на краешек, Анна неожиданно села рядом, внимательно посмотрела ему в глаза, дотронулась до его руки. Все его тело отозвалось на это прикосновение. Они смотрели в глаза друг другу и слова были не нужны. Взгляд Анны стал туманным и нежным...

После этого вечера Михаилу выделили комнату в доме.

Анна и Михаил полностью отдались своим чувствам. Они любили друг друга и не скрывали этого. Анна, как всякая женщина, хотела любить и быть любимой, а Михаил словно потерял голову. Через год у них родилась дочь Люсия.

Михаил регулярно делал записи в дневнике: «Слухи о мире».

«3 февраля был у доктора, болели глаза».

«Получил четыре письма».

«12-го великая радость».





«30 ноября 1916 года день ангела моего, мне исполнилось 24 года, день боли и позора моей жизни, я в плену».

В плену пробыл Михаил четыре года. Четыре года боли и разочарований, любви, страсти и познания отцовства; выбор между чувством долга и чувством ответственности за семью; страх за родных, от непонятных событий, происходящих в России.

А дома в это время узнали о революции.

Фисе хотелось спать. Был поздний зимний вечер. Обычно в это время она уже сладко посапывала на полатах, прижимаясь к бабушкиному боку. Однако сегодня у них в избе было многолюдно. Семья Глебовых собралась в полном составе. Отец с матерью сидели на лавке около стола. Гриша, её старший брат, пристроился рядом с матерью. На голбец присели дядя Степа и дядя Иван, их жены перешептывались на лавке напротив. Все были чем-то сильно озабочены, вели непонятные разговоры, мелькали слова «переворот», «революция». Что такое революция? Судя по тому, как были взволнованы и расстроены собравшиеся родственники, это было что-то нехорошее. Фиса заплакала тоненько, чуть слышно, ей стало страшно. Бабушка залезла к ней на печку и стала поглаживать по беленькой головке: «Ну, Фисонька, не надо *урочить*... спи...»

Незаметно девочка уснула, а остальные ещё долго обсуж-

дали последнюю новость: Его Императорское Величество Государь Император отрекся от престола...

Игнатий Кузьмич, отец Фисы и Гриши, как старший из братьев, говорил:

– Может еще и ничего, всё обойдется. Ведь где этот переворот произошел? Где-то в Петербурге, а нас это, может, и не коснется. От Петербурга до Урала не одна сотня верст. Игнатий Кузьмич, неспешно жестикулировал руками, хотя светлые волосы растрепались, а на лице поступил румянец, выдавая его волнение. Иван озабоченно подхватил:

– Как жили хорошо и такое дело. А вдруг новая власть отберет у нас леса, землю?

В округе леса братьев так и звали «Кузины леса», что было предметом их тайной гордости. Женщины подхватили:

– Надо бы запастись *впрок* соль, спички...

– Припрятать деньги на черный день...

Бабушка слезла с печи, встала под образа:

– На все воля Божья.

Ее худенькая рука потянулась ко лбу, сморщенное лицо выражало смирение. Мария, жена Игната, поправила фитиль в лампе. Неяркий свет вспыхнул, осветив избу. Она была выстроена из толстых, крепких бревен. Между бревнами виднелся мох, сами бревна были гладкими и желтыми, потому что их постоянно *шоркали*<sup>46</sup> и мыли с золой. Большая русская печь возвышалась у левой стены. Справа в углу стоял

---

<sup>46</sup> Шоркать – тереть

стол, по обе стороны от которого тянулись лавки. Над столом висели иконы, украшенные бумажными цветочками. Перед иконами горела лампадка. На полу пестрели половики, которые Мария ткала из *ватолия*<sup>47</sup> долгими зимними вечерами вместе с золовками и свекровью. У Марии половики получались со своим особенным узором и радовали глаз. Грише тоже хотелось спать, он тер глаза, но продолжал сидеть рядом с матерью. Волнение присутствующих передалось и ему. Все разошлись далеко за полночь, однако в некоторых домах все еще горел свет. Не спалось не только Глебовым: последние новости, привезенные односельчанами из города, взбудоражили всю деревню.

Феденевы устало сидели рядышком на лавке. Сергей бесцельно перебирал шило и дратву, Гликерия пыталась прясть. Оба задумались о сыне. Как он там, на чужбине? Вернется ли домой? Не помешает ли этому революция?

– Давай спать, – сказал Сергей. – Поздно уже.

Жена подошла к полатам, взглянула на сыновей. Саша и Ефим спали глубоким сном, укрывшись овчинами. На печи, свернувшись калачиком, спала Тая. Гликерия перекрестила их и направилась в горницу. На улице мела поземка. Завтра надо вставать чуть свет и делать нескончаемую крестьянскую работу.

Фиса стояла в огороде около бочки с водой, которая со-

---

<sup>47</sup> Ватолий – изношенная одежда

биралась во время дождя с крыши конюшни, и плескала её на себя. Как жарко! Домотканый сарафанчик, как и волосы девочки, выгорел на солнце. К босым ногам прилипли смола и еловые иголки. Мимо пробежал брат Гриша. Куда это он? Девочка немедленно бросилась следом за ним. Так и есть, Гришка и *Санко Серьгин* опять спрячутся от неё. Ну, нет, им это не удастся. Фиса держалась на расстоянии от них, но не упускала из виду. Они направились к Кривому озеру, воспользовавшись небольшим перерывом в работе. Саша Феденев тихонько пробирался через кусты. Гришина младшая сестренка наверняка опять увязалась за ними. Надо будет скрыться от неё в густом ельнике, обежать *угор с глубеникой* и выйти к озеру с другой стороны. Что за *девка!* Играла бы в куклы! Ребята обежали озеро, и присели в кустах, заглядывая в воду с небольшого обрыва. Отсюда видно как в озере плавают мелкая рыбешка. Над водой летают стрекозы, трепеща прозрачными крылышками и выпучивая свои огромные глаза. Жужжат пчелы и шмели, отыскивая сладкие головки клевера; стрекочут кузнечики, предвещая *вёдро*<sup>48</sup>. Ребята распластались на земле, впитывая в себя её жар. Прыгать и скакать не хотелось, все их дни заполнены работой и сейчас они рады возможности полежать и отдохнуть. К тому же, Фиса наверняка уже где-то рядом и только и ждет, когда они подадут голоса. Солнце скрылось за тучей.

– Пора, наверное, *Санко* – сказал Гриша, – пойдем *робить*.

---

<sup>48</sup> Вёдро – хорошая сухая погода

– *Айда*, – отозвался Саша.

Ребята присоединились к взрослым, *сенокосившим* рядом с деревней. Все сидели около Игната Глебова и ждали, когда подсохнет ворошенное сено. Они слышали обрывки разговора: «Теперь власть в руках Временного правительства. Созданы земельные комитеты для сбора сведений по решению земельного вопроса». Это Игнатий Кузьмич рассказывал последние новости. Мужики молчали. Они в любом случае привыкли подчиняться Игнату, а теперь, когда новая власть поставила его председателем земельного комитета Шляпниковской волости, и вовсе не *перечили*.<sup>49</sup> Наконец, сено было сметано в стога.

Поздно вечером Игнат сказал Марии:

– Ложись спать, меня не жди.

Мария с недоумением посмотрела на него, на глазах показались слезы.

– *Полно-те*<sup>50</sup>, Мария! – с досадой сказал Игнат и вышел из дома.

Мария вытерла слезы: «Последнее время он часто уходит по ночам. Наверное, у него появилась *баба*. Только где? Коли б у нас в деревне, так я бы уже знала. Хотя, что мне за дело. Игнат относится ко мне так же, как и прежде. Не обижает, прислушивается к моему мнению. А то, что он «гуляет»... Вон, у *Глекерыи Серьгиной* мужик не гуляет, но и старше ее

---

<sup>49</sup> Перечить – спорить

<sup>50</sup> Полно те – хватит

лет на десять, поди еще с лишним; и не люб он ей.... Да и как его *любеть-то*, уж больно он *нехорошой*. Сколько раз бывало, сам *на поле* на телеге едет, а Гликерия через полчаса следом за телегой бежит. *Шутка в деле*<sup>51</sup>, десять верст пешком, да потом *робить* целый день. Нет, чтоб обождал немного, пока хлеб дойдет, да Гликерия его из печи вынет. *Сам-от* небось, только скотину и *управит*, а у бабы утром забот полон рот». Она встала, подошла к печи, на которой спали Фиса с бабушкой, прислушалась к их дыханию. Бабушка, конечно, не спала, но ни во что не вмешивалась. Гриша разметался на полатах. Малы еще у нее дети, а тут такие перемены в жизни, и как-то все сложится? Мария перекрестилась, снова всхлипнула и вернулась в горницу.

Изменения в веками устоявшейся жизни начали происходить гораздо раньше, чем предполагал озабоченный люд. В ноябре 1917 года в Подберезово пришло известие, что в Петербурге взят Зимний дворец и победили большевики, а уже через полгода после непонятого переворота власть по всей стране принадлежала Советам. Советская власть конфисковала церковные земли и начала передел земельных наделов. Отряды красных выгребали зерно из сусеков крестьян. К лету 2018 года уже назрело недовольство новой властью. В Осинском уезде тоже нашлись недовольные, но из Перми прибыли вооруженные отряды и расстреляли зачинщиков в Орде, Медянке, Ашапе. Люди растерянно затаились.

---

<sup>51</sup> Шутка в деле – возмущение

В марте 1918 года Михаил узнал о заключении Брестского мира с Германией. Его друзья, бывшие военнопленные, с которыми он иногда общался, разделились на два лагеря: одни хотели немедленно уехать домой, другие, как и Михаил, обзаведшиеся семьями, не желали этого. Ему пора было возвращаться домой. Но Анна и дочь.... Михаил, задумавшись, сидел над своим дневником, а потом записал: «Самая печальная для меня новость. Пока я остаюсь здесь, как поступить теперь, не знаю. Горе мое, *несказуемое*, неопишное. Не могу больше писать, руки опускаются».

Несколько месяцев Михаила терзали сомнения. Новые записи в дневнике выдавали его смятение: «Судьба моя тяжела. Я не знаю, что буду делать, когда увижу слезы горя в ее глазах.... Часы текут, текут, сердце болит, если бы мне сказали, обойди всю землю, и приди обратно, я бы пришел, даже стариком.... Кровью бы я записал о своем горе, но кровь застыла у меня».

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.